

Иванов Андрей Александрович, Машкевич Стефан Владимирович, Пученков Александр Сергеевич
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЭМИГРАНТСКОЙ БИОГРАФИИ Н. Е. МАРКОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ПИСЕМ ПОЛИТИКА)

В статье освещаются неизвестные страницы парижского периода жизни видного русского политика, бывшего лидера Союза русского народа Николая Евгеньевича Маркова (1866-1945 гг.). Основанная на впервые вводимых в научный оборот материалах Бахметьевского архива российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (США), статья существенно дополняет имеющиеся в исторической науке сведения и представления о жизни, деятельности и взглядах правого политика в период 1930-1935 гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 79-85. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**DEVELOPMENT DYNAMICS OF GOLD-MINING COMPLEX
OF RUSSIA NORTH-EAST IN THE FIRST HALF OF THE 1980S**

Zelyak Vitalii Grigor'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
North-Eastern State University, Magadan
zelyak75@mail.ru

In the article the development history of the gold-mining complex of Russia North-East in the first half of the 1980s is researched. During this period gold mining volumes significantly reduced in the region. The author determines the main directions of the regional gold mining subject work – “Severovostokzoloto” association, reveals the measures taken for gold mining stabilization. Special emphasis is made on achievements in labour and nature protection while mining. The comparative analysis of gold-mining in the tenth and eleventh five-year plans is conducted. The role and meaning of North-East in the USSR gold-mining industry are determined.

Key words and phrases: gold-mining; “Severovostokzoloto”; Magadan region; Chukchi Peninsula; gold prospecting; labour protection; nature protection; brigade contract; eleventh five-year plan.

УДК 94(47).08.929

Исторические науки и археология

В статье освещаются неизвестные страницы парижского периода жизни видного русского политика, бывшего лидера Союза русского народа Николая Евгеньевича Маркова (1866-1945 гг.). Основанная на впервые вводимых в научный оборот материалах Бахметьевского архива российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (США), статья существенно дополняет имеющиеся в исторической науке сведения и представления о жизни, деятельности и взглядах правого политика в период 1930-1935 гг.

Ключевые слова и фразы: Н. Е. Марков; Союз русского народа; монархическая эмиграция; воспоминания; переписка; правый политик; Бахметьевский архив.

Иванов Андрей Александрович, д.и.н., доцент
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
andriv78@yandex.ru

Машкевич Стефан Владимирович
Институт теоретической физики им. Н. Н. Боголюбова Национальной академии наук Украины
mash@mashke.org

Пученков Александр Сергеевич, к.и.н.
Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
ap80@mail.ru

**НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЭМИГРАНТСКОЙ БИОГРАФИИ Н. Е. МАРКОВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ПИСЕМ ПОЛИТИКА)[©]**

Имя русского правого политика, одного из вождей черной сотни, лидера правых в Государственной думе III-IV созывов Николая Евгеньевича Маркова (1866-1945 гг.) хорошо известно историкам. Оно постоянно фигурирует в монографиях и статьях, посвященных политической истории последнего десятилетия Российской империи и русской эмиграции, к сегодняшнему дню вышло уже около полутора десятка публикаций о Маркове [2, с. 286], проливающих свет на различные страницы его биографии, однако «белых пятен» по-прежнему хватает. Особенно это замечание касается эмигрантского периода жизни Н. Е. Маркова, который выпал на 1920-1940-е гг. и не уступал по насыщенности событиями дореволюционному этапу его жизни [4, с. 92-94]. Конечно, значение и влияние Маркова было уже несопоставимо с тем, что он имел до 1917 г., но жизнь этого правого деятеля в изгнании, где он стал одним из наиболее активных представителей анти-советской эмиграции, безусловно, заслуживает самого пристального внимания.

В этом плане бесценным источником являются письма Н. Е. Маркова племяннику Всеволоду (сыну сестры Маркова — Елизаветы), которые хранятся в Бахметьевском архиве российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (США) [10]. Хотя этот источник уже привлекался отечественными историками Р. Ш. Ганелиным [3, с. 211-217] и П. Н. Базановым [1, с. 121-125], следует признать, что использован ими он был лишь частично — настолько, насколько требовала того тема их публикаций, при этом большой пласт ценных с точки зрения освещения биографии Н. Е. Маркова материалов так и остался не введенным в научный оборот.

В бумагах, сформировавших отдельную коллекцию, сохранились краткая биография Маркова [5, с. 30–43] (видимо, написанная его племянником) и 39 писем политика (37 рукописных и два отпечатанных на машинке с рукописными вставками), хронологически охватывающих период с 17 января 1930 г. по 22 июля 1939 г., а также одно письмо его дочери Татьяны от 18 марта 1954 г., в котором сообщается о кончине вдовы Маркова — Надежды Владимировны. Письма Н. Е. Маркова племяннику достаточно подробно освещают эмигрантскую жизнь политика, его литературную и издательскую деятельность, политические и церковные взгляды, а также дают его биографам ценные сведения благодаря отдельным вкраплениям мемуарного характера.

В рамках данной статьи остановимся на сюжетах, связанных с литературно-публицистической деятельностью Н. Е. Маркова в 1930–1935 гг., обратив особое внимание на неизвестные страницы его биографии.

Как следует из писем Н. Е. Маркова, жизнь его в парижский период эмиграции протекала в крайней нужде. Об этом говорят регулярное получение Марковым материальной помощи от жившего в США племянника и его собственные свидетельства. «Мы здесь в Париже живем — хлеб жуем (в буквальном смысле), но не жалуемся и верим. Верим и живем», — сообщает он в одном из писем [10, 17 января 1930]. В другом письме Марков делится с племянником: «Особенно немощна плоть моей верной спутницы жизни — безропотно несущей крест свой жены моей: ее необходимо лечить, ей необходим ~~режим~~ питания», а вместо этого приходится обсуждать на семейном совете, варить ли картофельную похлебку (на 3 дня) или позволить себе роскошь питания гречневой кашей — с настоящим маслом. <...> Самое тяжелое для меня — это то, что не лечу, не даю лекарств, явно и неизбежно необходимых. Это смахивает на преступление» [Там же, 20 июня 1932]. «До последнего года я вел большое русское дело и находил средства для этого и для поддержания полезных людей — когда эта поддержка оказывалась необходимой, — пояснял Марков. — По сей день получал я просьбы о помощи, ибо кто знает, что если кому из монархистов надо помочь, то это именно мне. В интересах общего дела, а также чтобы не дать радости противникам, я всячески скрывал от посторонних свое истинное положение» [Там же]. Постоянно извиняясь перед племянником за то, что на протяжении ряда лет он был вынужден брать займы у него деньги, Марков «утешает» его тем, что оказывая регулярную материальную помощь, тот приносит этим пользу «не старому хрычу — дяде, а нужному еще деятелю общего дела» [Там же, 6 августа 1933].

Такое бедственное положение имевшее всероссийскую известность политика заключалась в ряде причин. «Конечно, — писал он, — всякий человек — кузнец своего счастья, и я не могу ни на кого жаловаться, т.к. ведя в течение 14 пореволюционных лет большое политическое дело и имея по временам немалые суммы, притом безотчетно доверенные, я мог бы, по примеру прочих ~~проев~~, оставить себе запасец ~~про~~ черный день», но я этого сознательно не сделал, не сделаю и впредь. Либо не надо браться за чистое дело, либо надо браться за него чистыми руками» [Там же, 30 ноября 1931]. Но помимо этого объяснения, в котором Марков представляет себя в качестве идейного борца, были и другие причины ввергнувшие его в крайне тяжелое материальное положение. Известный своим антисемитизмом бывший лидер черносотенного Союза русского народа оказался «нерукопожатным» и бойкотируемым либерально-демократическими кругами эмиграции. Выражая благодарность племяннику за присланную материальную помощь, Марков сообщал ему: «Если я нахожу себе некоторое извинение, то только в том, что в безработное состояние попал я не по лености или неспособности к труду, а под давлением жидовского бойкота, который тяготеет не только на мне, но и на моей дочери. Стоит только узнать, что она ~~дочь~~ того самого», как ей приходится терять место или занятие у людей, которые до этого были очень довольны ее работой и отношением к делу. Бойкот этот я несу за русское дело, за пропаганду здоровых идей, за верность своему народу: поэтому нимало не сожалею и не раскаиваюсь в своей деятельности!» [Там же, 6 июня 1933]. Подобные жалобы встречаются в письмах Маркова довольно часто. Сообщая, например, что его дочь Татьяна «работает день и ночь», берясь за работу стенографистки, швеи и вышивальщицы, политик-эмигрант сетует: «Моя Таня примерная и знающая свое дело дактило (*стенографистка — авт.*), много раз получала места и хорошие сравнительно места, но удерживалась лишь до того дня, когда узнавали, что она моя дочь» [Там же, 15 марта 1935]. Поэтому, отмечал далее Марков, если даже члены его семьи вынуждены страдать из-за его черносотенной репутации, то о получении им самой хорошей работы не может быть и речи. «Твой ~~дядя~~ Жупел», — так в связи с этим иронично называл себя Марков в письмах к племяннику [Там же, 9 ноября 1934].

Попытки заработать публицистикой также оказались не слишком успешными. Вместо ожидаемых гонораров они, как правило, приводили лишь к дополнительным расходам и необходимости искать материальную поддержку на стороне. Рассказывая племяннику о своей книге, Н. Е. Марков сообщал: «...Книга моя «Войны темных сил» [6; 7] против ожидания имеет успех; первая часть (которую я тебе посылал) разошлась почти вся. Вторая книга, изданная в 1930 году, имеет хороший (для такого рода и направления) спрос. Заинтересовались немцы-хитлеровцы и уже перевели на немецкий язык, но еще не издали — из-за кризиса. Заинтересовались и французы, дали в специальных органах очень благоприятные отзывы» [10, 15 октября 1931]. Однако разразившийся мировой кризис быстро свел этот кратковременный успех на нет. Третий том «Войн темных сил» (не известный историкам и републикаторам этого сочинения в современной России [8; 9]), на который Марков возлагал большие надежды в плане поправления своего материального положения, так и не был выпущен в свет. «Третья моя книга, хотя и вполне закончена, еще не напечатана из-за того, что издатель первых двух потерял на падении курса бумаг большую часть состояния и, при всем желании, не может тратить деньги на новое издание, — сообщал Марков. — Между тем, третья книга является завершением цикла «Войны темных сил» и трактует современные жгучие вопросы, дает прогнозы ближайших событий будущего. Эти события уже близки к осуществлению и если задержат издание, то предвидение автора потеряет свою цену, раз предсказания опубликуются после предсказанных событий. Кроме того, мировые события надвинулись столь

грозные, и работа темных сил становится столь явной, что книга, подобная моей, должна попасть как раз вовремя, если будет издана немедленно. Идейно и материально выгодно не медлить. При всем том, обстоятельства так складываются, что мы живем теперь почти исключительно от одного моего литературного труда, т.ч. задержка с изданием 3-й книги ставит меня в очень затруднительное положение» [10, 15 октября 1931].

Марков приводит в письмах расчеты, призванные убедить племянника, что вложение денег в издание книги — «дело не глупое», беспроигрышное, однако на деле это оказалось совсем не так. Уже в 1932 г. тон его рассуждений на этот счет начинает меняться. Признавая невозможным выпустить свое сочинение в запланированные сроки, Марков пишет: «Большой беды в этом не было бы, т.к. выпускать в продажу книгу — в эти месяцы чрезвычайного маразма и безденежья большинства русских покупателей — не так-то уж остроумно. Лиха беда в том, что разумное с коммерческой стороны выжидание обрекает нас на лишения, которые и без того слишком затянулись» [Там же, 20 июня 1932]. Собрать деньги на публикацию третьей части книги Маркову удалось лишь к 1935 г., но издание так и не увидело свет. Вот что сообщал сам автор о судьбе своего сочинения: «Напечатал я свою третью книгу, но из-за нехватки денег не забрал склады книг из типографии и оставил там на хранении. Да и на рынок не советовали люди выпускать: во время кризиса не будут покупать. Что же ты думаешь! Заехал я в типографию, чтобы условиться, наконец, о выпуске в продажу, а на дверях замок и аншлаг: обращаться к ликвидатору N. N. Типография объявилась банкротом, и хозяин тоже скрылся. Упорно говорят, что мою книгу не то вывезли, не то на бумажную фабрику отправили. Вот и судись с ними» [Там же, 15 марта 1935]. При этом склонный к конспирологии Марков резюмировал: «Все это, конечно, не так просто, и я ясно вижу здесь хищную лапу врага рода человеческого» [Там же].

Не сумев осуществить издание третьей части книги, Н. Е. Марков ухватился за предложение нацистов переиздать в немецком переводе уже имеющиеся две части. Но и тут у него возникли проблемы. Весной 1933 г. он с надеждой пишет: «События в Германии и происшедшие там перемены, по-видимому, поправят мои дела. Завязались серьезные переговоры о переводе моих книг на немецкий язык и об издании их в широком масштабе. Бог добр, скоро переведу своих с голодного пайка на общеполитический и расплачусь с долгами. Только бы не сорвалась рыбка с удочки» [Там же, 11 апреля 1933]. Но через месяц Марков уже с некоторой тревогой сообщает, что вопрос с переводом его книг на немецкий язык «еще не пришел к окончательному решению», а спустя год сетует племяннику, что дело слишком затянулось: «Досадно, что с немецким изданием моей книги — *Вины темных сил* — меня все водят за нос: я жду от них денег за издание, а они все зовут меня приехать, но о деньгах молчат» [Там же, 5 сентября 1934]. «Переговоры о немецком издании моей книги как будто сдвинулись с мертвого якоря: предложили издать отдельными популярными выпусками — по главе в каждом, требуют присылки моей биографии и фотографии для напечатания в этих своих выпусках, и проч., — сообщает он чуть позже. — Но денег я еще не вижу. Все настойчивее зовут меня переехать для совместной работы в соответствующей обстановке, но денег на переезд пока не присылают. Дружба, видимо, дружбой, а табачок — врозь» [Там же, 2 октября 1934].

В декабре 1934 г. политик высказывает предположение, что причина с затягиванием издания кроется в том, что в Германии «все теперь зависит от правительства, а сие последнее что-то все медлит с окончательным решением». «Видимо, — рассуждал Марков, — происходят там трения, борьба честолюбий и еще что-то более серьезное, и ни до русских книжек им в настоящую минуту» [Там же, 6 декабря 1934]. А вскоре выяснилось, что помимо прочего имеет место и принципиальное расхождение русского черносотенца-антисемита с немецкими нацистами. «С немцами у меня произошел затор: стали вдруг указывать, что в книге моей слишком много „мистики“, т.е. религиозного элемента, что надо-де изменить то и то, что дух времени влечет теперь прочь от христианства и т.п. — делился Н. Е. Марков. — Я им посоветовал лучше обратиться к советской литературе, где их антихристианская щепетильность не наткнется ни на веру, ни на Бога. Хотя они и нашли мой совет остроумным, но с изданием задерживаются. Как видно, задерживает цензура. Не знаю, как решится дело, но превращать антисемитизм в антихристианство я ни в каком роде не стану, хотя бы пришлось подохнуть с голода» [Там же, 9 января 1935]. Отчаявшись дожидаться переиздания своего сочинения, Марков констатировал: «...Стал я замечать, что на этой моей книге появляется некая плесень. Книжки ведь теперешние стареют скоро и средний им век, пожалуй, не более десяти лет» [Там же, 8 февраля 1935]. Вопрос с переизданием книги на немецком языке решился только летом 1935 г., когда Н. Е. Марков лично съездил в Эрфурт и, видимо, утряс все разногласия с немцами.

В это же время Н. Е. Марков задумывает написать и опубликовать свои мемуары — факт также совершенно неизвестный биографам политика. Летом 1935 г. он между делом замечает: «Засел я писать свои воспоминания и пока осилил одно лишь детство, т.е. Александровку (*имение Марковых в Курской губ. — авт.*). Оказывается, многое еще не забыто, и выходит, как будто, интересно не только для родичей» [Там же, 5 июля 1934]. В последующих письмах эта тема занимает его все больше и больше. «Сейчас я погружен в воспоминания, о которых уже писал тебе, — делится он с племянником. — Боялся, что слишком многое забылось и спуталось в памяти. Теперь боюсь обратного: столько вспоминается, так много встает, казалось бы забытых и стершихся образов, что жуть охватывает, — как с этим потоком справиться, как выделить достойные записи от малозначительного. Ведь я задался целью написать не только книгу своей политической „брани“, но и вообще, описание своей жизни со всем, что окружало ее, и что делало меня таким именно, каким я на поле брани вышел. Думаю, что это будет интереснее и содержательнее, чем изложение одной лишь эпохи политической борьбы за сохранение России. Ясно, что выйдет не одна, а три книги: 1) с детства — до 1904 года, 2) борьба с революцией 1905-1917 годов и 3) борьба в зарубежье пореволюционная. Политическая борьба зарождается и нарастает уже с середины 1-й книги, но главная ее суть — описание эпохи семидесятых, восьмидесятых и девяностых годов прошлого столетия и

ее отражение в быту деревни, гимназии и инженерно-добывательском (*Марков окончил Институт гражданских инженеров — авт.*)» [Там же, 10 августа 1934]. «Первая книга, кстати, близка к окончанию», — добавляет он [Там же]. Из следующего письма становится известным о намерении Маркова издать свои воспоминания постепенно, сначала выпустив первую книгу, через год вторую, потом третью. «Опасаясь только, — замечает он, — чтобы первая книга, почти лишенная политического элемента, и являющаяся бытописательной, не показалась малосодержательной» [Там же, 5 сентября 1934].

Поскольку воспоминания Н. Е. Маркова так и не были опубликованы, а судьба рукописи остается до сегодняшнего дня неизвестной, ценным представляется рассказ автора о содержании его сочинения: «Вторая книга должна явиться ударной, ибо будет излагать обстановку моей общественно-политической деятельности в земстве, Госуд. Думе, и Союзе Русского народа — вплоть до революции (1904-1917 годы). Третья опишет пореволюционную жизнь мою и работу в монархических партиях. Отведу тут место и попыткам нашим спасти в 1918 году Царскую Семью. Третья книга будет также преимущественно политической и потому интересной. Три разных эпохи требуют трех книг, но в интересах рекламы надо бы первую книгу не кончать 1903 годом, а вехать в революционную эпоху. Таковы мои сомнения» [Там же].

Сомнения эти разрешил племянник, предложив издать в первую очередь второй «ударный» том воспоминаний, а уже вслед за ним первую и третью книги. Соглашаясь с этой издательской стратегией, Н. Е. Марков замечал: «Перлами художественного творчества я не обладаю, и рассчитывать на успех с этой стороны было бы весьма неблагоприятно. Конечно, главная ценность моих воспоминаний в их насыщенности фактами исторического значения, в разоблачении деятелей российского развала, в правдивом освещении событий революционной эпохи, в реабилитации «черносотенства». Первый том, ныне законченный, написан в духе «Барчуков» и «Учебных годов», отчасти — «Семейной хроники» Аксакова¹. Исторические события тут вклиниваются лишь эпизодически: царевбийство 1-го марта, коронация Александра III, похороны Тургенева, Ходынка. Личные переживания, жизнь и быт щигровских помещиков, быт железнодорожный, деловая Москва, быт земский — такова основа этого первого тома» [Там же, 2 октября 1934].

На какое-то время, с подачи жившего в США племянника, Маркова захватила идея издания воспоминаний на английском языке. Не владея английским сам и не считая, что перевод был бы по силам его дочери Татьяне, он согласился на предложение племянника выступить в роли переводчика. Высылая уже написанные главы, Марков просил «дорогого Севу» высказать мнение, «в какой мере подобное возможно перевести, тем более, издать на англо-американском рынке сенсаций» [Там же, 4 октября 1934]. Получив от племянника положительный отклик на свое сочинение, Марков пишет: «Твои отзывы о моих «былях» укрепляют мое намерение довести этот труд до конца. Но, конечно, ты прав в том отношении, что главная прелесть (если точно есть прелесть) в русском быте, русском языке, во всем том, что иностранцу, в особенности американцу, будет и чуждо и непонятно. Шлю тебе горячую благодарность, что взвалил на свои плечи тяжелый труд перевода на английский язык. Быть может, труд этот окажется не напрасным и тебе удастся передать родную музыку — на чуждых ей инструментах» [Там же, 9 ноября 1934]. В случае успешного перевода, заключал не без юмора Марков, главу из воспоминаний можно было бы поместить «на пробу» в какой-нибудь американской газете «с объяснением, что это начало мемуаров известного злодея-погромщика». «С таким перцем б[ыть] м[ожет] удастся протиснуть вещь в печать, — резюмировал он. — Но, конечно, серьезно на это рассчитывать не приходится. Русское издание — вот идеал, но русское издание тут имеет малый сбыт» [Там же]. Однако в скором времени Марков пришел к убеждению, что «никакому переводчику не удастся перевести изображение русского быта и русской стихии на чопорный, лающий язык бриттов» и посему советовал племяннику «не гнаться за недостижимым» [Там же, 6 декабря 1934].

Кроме того, Маркова охватывали сомнения, что его труд может заинтересовать англо-американскую публику. «В особенности сомневаюсь я в этом отношении в успехе первой книги, где нет — политики», а лишь быт и картины прошлой жизни России, и где не выступают никакие «закономерности», — пишет он племяннику. — То, что нравится тебе, выросшему в культе Александровки, может показаться незначительным и неинтересным для рядового современного читателя, притом иностранца» [Там же, 9 января 1935]. В итоге было принято решение отложить издание книги воспоминаний на английском языке, т.к. перевод, сделанный племянником Маркова, оказался «точен, но не литературен», а нанимать для его переделки профессионального литератора не было средств.

В дальнейшем Н. Е. Марков к теме своих воспоминаний в письмах уже не обращался. Удалось ли их дописать до конца, сохранились ли их рукописи или черновые наброски, ждут ли они еще своего обнаружения в архивах или безвозвратно погибли в горниле Второй мировой войны — не известно. Между тем, задуманный Марковым труд, вне всякого сомнения, стал бы ценным историческим источником, увидь он свет. По крайней мере, для написания целостной биографии политика. Об этом отчасти можно судить по небольшим автобиографическим отступлениям, встречающимся в марковских письмах. Так, в одном из своих писем наставляя племянника, Н. Е. Марков приводит интересные строки, расширяющие имеющиеся представления об этом правом политике: «Наш семейный, наследственный недостаток — чрезмерное развитие самолюбия и вытекающая из сего конфузливости. Нам все кажется, что весь мир занят нами и глядит на нас, что мы в центре — в фокусе всеобщего внимания. При таком ощущении, входя в общество, мы ежеминутно

¹ Речь идет об автобиографических романах отца Н. Е. Маркова — писателя Е. Л. Маркова «Барчуки. Картины прошлого» (1875 г.) и «Учебные годы старого барчука» (1901 г.) и мемуарно-биографической книге С. Т. Аксакова «Семейная хроника» (1846 г.).

вздрагиваем: — а не посмотрел ли X косо, а не подумал ли Y про меня плохо, а не шепчет ли Z в углу обо мне с V. При всем этом невероятная мнительность и подозрительность — прямое следствие марковской печени¹. Это надо сознать и преодолеть усилием воли. Трудно поверить, а это так: до 35 лет я не был в силах ни за что говорить речи и произнести каких-нибудь десятка слов заздравного тоста — среди своих же родных. У меня комок подкатывался к горлу и в ~~зобу~~ дыхание сперло”. А ведь все это не только было преодолено, но потом я стал едва ли ни самым развязным (многие говорили: наглым) оратором в Гос. Думе и на митингах. И теперь я выхожу на кафедру — без всякого волнения. Чтобы научиться плавать, бросайся в воду» [Там же, 30 ноября 1931]. Завершает он это назидание племяннику советом, далеким, по его собственным словам, от евангельского: «Мы, русские, природные самоплюи и оттого так часто неудачники. Если уж плевать, то плюй в чужую физиономию, а не в свою» [Там же]. Развивая в другом письме этот совет, Марков комментирует его словами, добавляющими еще один интересный штрих к характеристике его взглядов: «Из долгого житейского и политического опыта вывел я определенное заключение: мы, русские, часто и сильно проигрываем только потому, что слишком добросовестны. Чрезмерная добросовестность погубила и Императора Николая II-го и всю нашу Россию. <...> Мы, русские, проходим теперь предметный курс своеобразной политической экономии: экономии политической и человеческой добросовестности. Кончая этот курс, должны мы воскликнуть: будем же экономить нашу добросовестность!» [Там же, 10 августа 1934].

Рассказывая в одном из писем, как идут дела с написанием воспоминаний, Н. Е. Марков приводит такую интересную подробность из своей биографии периода Гражданской войны: «Вспоминаю, как в 1919 году выслали из великого финляндского государства одного весьма правого члена [осударственной] Думы (*т.е. его самого — авт.*) лишь за то, что до революции он произнес в 1909 году речь в пользу сближения Финляндии с Россией. Пришлось бедняге переплывать на лодке из Выборга в Нарву — к счастью, погода была тихая. Однако, не погода страшила, а полная неизвестность, кто встретит на русском берегу: белые или красные? Встретили не белые и не красные, а серые — какие-то ~~н~~германландцы”, которые объявили себя независимым государством и на всякий случай арестовали русского беглеца и его спутников... Много интересного вспоминаешь теперь, когда пишешь свои ~~были~~”. Временами на Рокамболя смахивают эти ~~были~~”» [Там же, 9 ноября 1934].

Помимо сюжетов мемиарного плана, письма ценны и зарисовками эмигрантской жизни Н. Е. Маркова. Как известно [4, с. 93], в эмиграции политик радикально изменил свой облик — состриг свои знаменитые кудри и отпустил окладистую бороду, что не оставило от бывшего сходства с первым русским императором, с которым нередко сравнивали Маркова, и следа. В одном из писем он сообщает в связи с этим племяннику: «Кстати, не заблуждайся в отношении моей нынешней наружности: не только на Петра Великого я больше не похож, но даже и на Екатерину II, ибо все ж ношу бороду» [10, 6 марта 1932]. Но особенно интересен рассказ Маркова о попытке его отравления. Не беремся судить, насколько изложенные в нем события соответствовали действительности, однако как показатель настроений русской монархической эмиграции этот сюжет очень примечателен. Сообщая племяннику, что он является «предметом особого внимания джентльменов из за ~~ч~~ертполоха”» (*т.е. из СССР — авт.*), Марков свидетельствует: «я редко хожу по улицам здешнего Вавилона в одиночестве: постоянно ощущаю я, что за спиной меня провожает некто в сером, существо не скажу безликое, но многоликое, ибо лица меняются, меняется и одеяние, но суть явления все та же. Хотя с переездом во Францию я оставил дурную привычку носить револьверы в обоих карманах и стал обходиться одним, все же по вечерам друзья мои настоящие редко позволяют мне ходить в одиночку. Они никак не могут забыть, что Петлюру застрелили среди бела дня — на глазах у прохожих <...>, а генерала Кутепова (человека физически сильного и храброго) просто увезли — как увозят 16-ти летних девиц. Здесь мы как-то ближе ощущаем дыхание смерти, несущейся из СССР, и склонны придавать значение всяким, казалось бы, пустякам. Так, моя жена и моя дочь Таня нипочем не позволяют мне есть в ресторане или даже у малознакомых людей, обе они уверены, что меня немедленно отравят. Это убеждение у них настолько прочно, что жена моя ходит за провизией в разные магазины, где ее бы не знали» [Там же, 12 октября 1932]. Как поясняет далее Марков, «дело в том, что меня действительно едва не отравили, притом в хорошо нам знакомом доме. Случайно я переставил подготовленный мне стакан своей соседке — хозяйке дома, и она немедленно заболела со всеми признаками отравы; умереть — не умерла, но и не выздоровела и стала вроде сумасшедшей. Я не жалею ее, ибо прекрасная дама попала в собственные сети. После этого странного случая моя Надя, которая была на этом обеде, взяла с меня клятву не ходить на обеды и не пить здравниц там, где можно опасаться» [Там же]. «Борьба идет, гл[авным] обр[азом], подпольно, она не бросается в глаза, но она жестока и беспощадна. Простецы думают, что Вел[икий] Кн[язь] Николай Николаевич, генерал Врангель, б[ывший] министр Кривошеин и мн[огие] другие умерли ~~естественной~~ смертью”, но в действительности их ~~ликвидировали~~” агенты СССР, — транслировал Марков расхожие подозрения русской эмиграции. — Ты не поверишь, до чего вся атмосфера пропитана злоумышлением и заговором, до чего развратились люди, бывшие когда-то верными и хорошими. Шпионаж, предательство, подкуп, шантаж — все в ходу» [Там же].

Из переписки мы также узнаем, что связи с близкими, оставшимися на территории СССР, Н. Е. Марков не поддерживал. В одном из писем, говоря о Советском Союзе, Марков замечает: «...Наши близкие, там мучающиеся, находятся в большой опасности. Мы не имеем никаких отсюда вестей вот уже два года» [Там же, 17 января 1930]. В другом письме он с горечью сообщает: «Там бедствуют четыре моих дочери, если они еще живы. Даже этого я толком не знаю, ибо никаких сношений с ними не имею, и не буду иметь,

¹ Отец Маркова — Евгений Львович — скончался от рака печени. На проблемы с печенью жаловался в письмах и сам Н. Е. Марков.

ибо за такие сношения им верная гибель. <...> Они, конечно, страдают вдесятеро больше всех остальных, ибо они не только — «буржуйки», но и дочери жупела» [Там же, 6 августа 1933]. Причина, по которой Марков не предпринимал никаких действий в этом направлении, крылась в нежелании подвергать опасности своих близких оставшихся на советской территории. Так, сообщая о том, что по слухам брат Маркова — Александр Евгеньевич скрывается под чужим именем на Дальнем Востоке, политик просил племянника: «Об этом даже не пиши родным, имеющим связи с родными в СССР. А то дойдут до сведения ГПУ и начнут его искать» [Там же, 6 марта 1932]. В другом письме он добавлял: «...За сношения с родными в эмиграции эти кровавые псы накидываются на людей с особой яростью» [Там же, 21 августа 1933]. «Я не поддерживаю никаких сношений со своими близкими в СССР, — сообщал он племяннику. — Это особенно тяжело моей жене: ведь мы не знали даже — кто там жив, и кто где находится. Что наши умирают от нужды, сомневаться не приходится. Если у тебя есть случайные сведения о них, будь добр, сообщи. Особенно тревожит нас судьба Нади (дочь Н. Е. Маркова — авт.) после ее тюремных мытарств и высылки в Харьковскую губернию» [Там же, 12 января 1933]. При этом Марков отмечал, что сам он зарекся предпринимать какие-либо попытки узнать положение близких, оставшихся в СССР через имеющиеся у него каналы. «Так много погибло у меня друзей и преданных людей — при хождении на Родину, что я лишь скрепя сердце, лишь в случаях особой важности и неизбежности решаюсь на посылку туда живых людей, — пояснял он. — Сколько раз благодарил я Бога, что не поддавался искушению связаться там со своими, там страдающими: если бы не это воздержание, столь тягостное, почти невыносимое, все до одного родные были бы — выведены в расход». Это не пессимизм, это не страх крысиный: сильнее кошки — зверя нет; это лишь сознание и понимание обстановки. Не полиция там страшна, а дух предательства, доноительства, подглядывания, зависти и равнодушия ко всему, что не я. Темные злые силы выпущены там на волю, и одержимы ими отнюдь не одни только чекисты. Вот почему мы должны быть так осторожны в сношениях с теми, кто нам близок и дорог» [Там же, 7 февраля 1933].

Однако какими-то путями обрывки сведений о близких ему людях до Н. Е. Маркова все же доходили. Так, зимой 1934 г. он делился с племянником своим горем: «Умерла от рака в груди наша дочь Женя, оставив сироту Магдалину 6 лет. Подробностей никаких не знаем, и самое известие, видимо, запоздалое, получили окольным путем. <...> Думаем, что рак возник на почве отравления газами еще во время войны, когда бедная девочка была сестрой милосердия. <...> Глубоко скорбим мы об этой утрате. Особенно остро это чувствуется при сознании, что мы дожили до кануна великих событий, и вот-вот можем свидеться с близкими. А смерть как будто издевается и выхватывает свои жертвы — на самом пороге» [Там же, 9 февраля 1934].

Из писем Маркова также становится известно о едва не осуществившемся намерении политика-монархиста переехать из Парижа на юг Франции. Возмущаясь ростом во Франции просоветских настроений, Марков выражал опасение возможной депортацией в СССР наиболее непримиримых врагов советской власти, к которым, естественно, относил и себя. В связи с этим он решает «переменить воздух» и переехать из Парижа на сельскохозяйственный юг страны. Получив сведения от друзей, что жизнь на юге гораздо дешевле столичной, а ситуация — спокойней, Марков сообщал племяннику: «Все это очень соблазняет нас, особенно мою Надю и дочь Таню, которые истосковались по деревенской жизни и мечтают о работе в огороде и саду, греясь на жарком солнце. Да и мне работалось бы там в тиши куда сподручнее, чем здесь, где развелось такое многочисленное знакомство, что трудно отрывать время для кабинетной работы» [Там же, 5 сентября 1934]. Единственное, что останавливало Маркова — недостаток средств для переезда. Однако вскоре он полностью отказывается от своего намерения. Тяга к активной политической борьбе переборолла желание тихой и спокойной жизни. В 1935 г. он сообщал племяннику: «Надвигающиеся события в России не позволяют сейчас думать о переезде на юг Франции, как мы мечтали. Юг Франции — это тыл, а я еще боец» [Там же, 9 января 1935].

В итоге выбор был сделан в пользу нацистской Германии [3, с. 213-217], которая, как казалось Н. Е. Маркову, открывала для него широкие возможности для активной антисоветской деятельности. Кроме того, не последнюю роль сыграло предложение нацистов предоставить Маркову работу «по его специальности» — т.е. вести антисемитскую, антимасонскую и антикоммунистическую пропаганду в качестве заведующего русским отделом журнала «Мировая служба». «Оплата будет скромная, но достаточная для существования», — сообщал Марков в одном из своих писем [10, 9 июля 1935].

Помимо освещенных в статье сюжетов, переписка Н. Е. Маркова богата и другими сведениями. Немало внимания уделяется в ней политической борьбе, вопросам международной политики, отношению к фашизму и коммунизму и другим темам. Однако освещение этих вопросов ввиду их масштабности и самостоятельности — предмет отдельной публикации. Но и из представленного в данной статье обзора сюжетов биографического плана становится очевидным, что письма Маркова, сохранившиеся в Бахметьевском архиве, значительно расширяют имеющиеся на сегодняшний день представления об этом русском правовом деятеле и позволяют представить его облик более рельефно и ярко.

Список литературы

1. Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.). Изд-е 2-е, испр. и доп. СПб.: СПбГУКИ, 2008. 468 с.
2. Богоявленский Д. Д., Иванов А. А. Марков Н. Е. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 283-286.
3. Ганелин Р. Ш. Н. Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму // Евреи в России: история и культура: сб. науч. трудов. СПб., 1998. Вып. 5. Труды по иудаике. История и этнография. С. 211-217.
4. Иванов А. А. «Берлинский зубр». Марков 2-й на чужбине // Родина. 2009. № 4. С. 92-94.

5. **Иванов А. А., Машкевич С. В., Пученков А. С.** Известные страницы биографии Н. Е. Маркова: по материалам Бахметьевского архива // Научный диалог. 2013. № 11 (23). С. 30-43.
6. **Марков Н. Е.** Войны темных сил. Париж: Долой зло, 1928. Кн. 1. 175 с.
7. **Марков Н. Е.** Войны темных сил. Париж: Долой зло, 1930. Кн. 2. 190 с.
8. **Марков Н. Е.** Войны темных сил. Статьи. 1921-1937 / сост. М. Б. Смолин. М.: Москва, 2002. 521 с.
9. **Марков Н. Е.** Думские речи. Войны темных сил / сост. Д. И. Стогов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 696 с.
10. **BAR — Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive (USA).** N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письма Н. Е. Маркова.

**UNKNOWN PAGES OF N. E. MARKOV'S EMIGRANT BIOGRAPHY
(BY MATERIALS OF POLITICIAN'S PERSONAL LETTERS)**

Ivanov Andrei Aleksandrovich, Doctor in History, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
andriv78@yandex.ru

Mashkevich Stefan Vladimirovich
Bogolyubov Institute for Theoretical Physics of National Academy of Sciences, Ukraine
mash@mashke.org

Puchencov Aleksandr Sergeevich, Ph. D. in History
St. Petersburg Institute for History of the Russian Academy of Sciences
ap80@mail.ru

In the article the unknown pages of Paris period of life of the prominent Russian politician, the former leader of the Union of the Russian People Nikolai Evgen'evich Markov (1866-1945) are covered. Based on the materials of Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture of Columbia University (USA) for the first time introduced into scientific circulation the article significantly supplements the data and ideas about the right-wing politician's life, activity and views during 1930-1935 available in historical science.

Key words and phrases: N. E. Markov; Union of the Russian People; monarchist emigration; memoirs; correspondence; right-wing politician; Bakhmeteff Archive.

УДК 930.2

Исторические науки и археология

Статья написана в теоретическом ключе и посвящена характеристике текстологического подхода к анализу отечественных источников личного происхождения (эго-документов). В ней определяются информационные возможности этих документов как нарративной базы, позволяющей реконструировать картину мировоззрения их авторов. На примере фронтового эпистолярного наследия XX века раскрываются особенности дискурсивного взгляда на процесс создания и культурно-коммуникативного функционирования эго-документов в социальных системах периода их написания.

Ключевые слова и фразы: источник личного происхождения; фронтовые эпистолии; текстологический анализ; дискурс; историческая антропология.

Иванов Антон Юрьевич, к.и.н.

Казанский национальный исследовательский технологический университет
Antonivanof@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЭГО-ДОКУМЕНТОВ XX ВЕКА[©]

История XX века сохранила большое число мемуарных, эпистолярных и дневниковых свидетельств судеб различных людей. Появление новых подходов в теории и методологии источниковедения позволяет углубить исторический взгляд на социальную историю, более детально охарактеризовать сферу человеческих переживаний, определить культуру как сложную и продуктивную систему взаимосвязей личности и общественных ценностей. В этой связи весьма актуальным на сегодняшний день становится изучение эвристического потенциала ряда применяемых в современном социогуманитарном знании методов и подходов. В методологическом дискурсе отечественной науки наиболее востребованными являются подходы, вошедшие в российскую историографию под названиями исторической антропологии, исторической психологии и гендерной истории [6]. К сожалению, профессионалы-историки до сих пор не выработали четкую систему критериев предметно-объектного соотношения этой триады. Поэтому названные дисциплины иногда объединяются в понятие, известное как социокультурное направление в исторической науке [7].

Это направление представлено рядом исследований – от истории повседневности до социальной истории различных учреждений, будь то университетская корпорация или система органов государственной власти [3].